

Тест на конкурентоспособность

Евсей Томович Гурвич — руководитель Экономической экспертной группы — в беседе с главным редактором «ЭС» Александром Агеевым анализирует положение различных сегментов отечественной экономики на сегодняшний момент и определяет соответствующие перспективы.

Давайте начнем с состояния российской экономики. Какой диагноз Вы бы ей поставили: практически здорова или есть патологии?

Думаю, что она ограниченно здорова. С одной стороны, формальные макроэкономические показатели очень хороши — за последние годы в среднем почти 7% роста, устойчивый бюджетный профицит, устойчивая валюта, большие золотовалютные резервы. До 2007 г. была относительно большая, но снижающаяся инфляция. Развивается финансовый сектор: и банковский капитал, и активы банковской системы, и кредиты в процентах от ВВП, и размеры фондового рынка — все эти показатели в последнее время росли очень быстро. С другой стороны, имеются серьезные структурные проблемы. Во-первых, у нас замедлился рост объема экспорта. Это связано с тем, что физический объем экспорта нефти, который был очень высоким несколько лет назад, сейчас снизился, и, по прогнозам Правительства, такая ситуация будет сохраняться еще долго. А экспорт другой продукции, к сожалению, растет не быстрее, чем ВВП, в лучшем случае так же или медленнее. Все быстрорастущие экономики экспортно ориентированы. Конечно, импортозамещение тоже важно, но во многих отношениях экспортная ориентация более перспективна — обычно на внешних рынках острее конкуренция. Значит, чтобы выйти на внешние рынки, нужно предложить что-то, что превосходит уже имеющуюся продукцию. Для этого необходимо совершить настоящий прорыв, потребуются новые технологические идеи, подлинные инновации. Умение прорваться на внешние рынки — это тест на настоящую конкурентоспособность. Пока ничего подобного не происходит, и я думаю, что если нам это не удастся, то рост отечественной экономики неизбежно замедлится. Кроме того, у нас есть объективные ограничения развития, например очень неблагоприятные демографические тенденции. Хотя чис-

ленность населения в России сокращается уже давно, тем не менее демографическая структура такова, что численность рабочей силы и занятость росли. А с этого года началось сокращение предложения рабочей силы. Очень скоро это станет главным фактором, ограничивающим рост. Уже сейчас квалифицированная рабочая сила становится дефицитом, зарплата опережает рост производительности, доля оплаты труда в ВВП увеличивается за счет снижения доли валовой прибыли. И это тоже снижает нашу конкурентоспособность. С другой стороны, позитивный момент последнего времени — массированный приток иностранного капитала: 40 млрд в 2006 г. и около 80 млрд в 2007 г. Из этого примерно две трети — прямые иностранные инвестиции. Поэтому не только ускорился рост, но и изменилось его качество. Инвестиции создают спрос на продукцию машиностроения. В отличие от предыдущих лет по темпам роста вперед вырвалась перерабатывающая промышленность. С другой стороны, инвестиции повышают конкурентоспособность и эффективность экономики и, соответственно, дают толчок дальнейшему развитию. От чего зависит будущее нашей экономики? Важный фактор развития — финансовая система, которая сейчас в России развивается даже быстрее, чем остальные сектора. Скажем, банковский кредит экономике только в 2006 г. повысился с 25 до 30% ВВП, и здесь есть опасность того, что слишком быстрое развитие осуществляется за счет снижения качества кредитов. Т.е. мы находимся на грани здорового и чрезмерно быстрого развития. Судя по официальным показателям, пока доля плохих долгов невелика. Однако в среднесрочной перспективе могут возникнуть проблемы, связанные с ухудшением качества кредитов. Думаю, что наше слабое звено — государственные институты. Отчасти это связано с тем, что произвольно проведенная приватиза-

ция фактически не была принята обществом. Ее основная идея заключалась в том, чтобы как можно быстрее уйти от прошлого, чтобы не было возврата к советской экономике, но быстрое развитие пошло во вред качеству. В результате не признанная обществом собственность является незащищенной.

Чем это грозит?

Когда происходит быстрый передел собственности, трудно предсказать, что и кому будет принадлежать лет через пять.

Неопределенность прав собственности снижает инвестиционную активность.

Вы не оценивали масштаб передела уже приватизированных активов?

Всем известен перечень компаний, которые были возвращены государству: ЮКОС, «Сибнефть», «Ависма», «АвтоВАЗ» и т.д. Такая неопределенность прав собственности снижает инвестиционную активность.

И уровень этой неопределенности в последние годы повысился?

Да. Индикаторы показывают, что здесь у нас ситуация ухудшается. В России практически отсутствует независимая судебная система, а это базовое условие роста экономики, особенно ее высокотехнологических отраслей. Если сырьевые отрасли, как сорняки, могут развиваться в любой среде, то высокотехнологичным, как культурным растениям, требуется благоприятная обстановка. Очень странное новое явление — государственные корпорации. Это неопробованная схема, в рамках которой целые сектора экономики оказываются выведенными из рыночных отношений. У них нет ни нормальных рыночных стимулов, ни рыночной ответственности. Получается гибрид рыночной и непонятно какой экономики. Мне кажется, что нужно было бы сначала провести эксперимент в

небольших масштабах, а если он окажется успешным, распространять его дальше. Боюсь, что госкорпорации могут стать тормозом на пути нашего дальнейшего развития.

Сейчас Правительство делает ставку на институты развития в рамках государственно-частного партнерства. Международный опыт показывает, что государственные инвестиции положительно влияют на состояние экономики, но только в том случае, если в стране есть хорошие госу-

дарственные институты. Если же их нет, как сегодня, к сожалению, у нас, то госинвестиции, дополнительные расходы никак не сказываются на росте экономики. Что касается проблем бюджетной системы, то наиболее фундаментальная из них — проблема пенсионного обеспечения. В РФ была проведена очень странная пенсионная реформа. Уже через три года после ее начала правила резко поменялись: изменились условия участия разных поколений в накопительной системе, был снижен единый социальный налог, и его снижение было компенсировано выделением трансфертов за счет общих доходов бюджета, хотя изначально идея была в том, чтобы перейти на страховые принципы — в этом случае пенсионные выплаты должны полностью финансироваться за счет отчислений от оплаты труда. Сейчас трансферты за счет общих доходов растут, но, несмотря на это, соотношение средней пенсии и средней зарплаты падает. Анализ показывает, что наша пенсионная система формально устойчива, т.е. способна выполнять все свои обязательства, но, по прогнозам, в 2010–2020-е гг. реальный рост пенсий резко замедлится. Если в первое десятилетие XXI в. он составлял примерно 8% в год, то в 2010–

2020-е гг. он будет втрое ниже — примерно 2,5%. Соответственно, увеличится разрыв между пенсиями и заработной платой. Такая ситуация является социально неприемлемой: уже сегодня пенсионеры составляют треть электората, а демографические тенденции таковы, что их удельный вес будет расти. Пенсионеры — наиболее активная часть избирателей, поэтому вряд ли они допустят ухудшение своего положения относительно других групп населения. Выделение все больших средств из общих доходов бюджета на поддержку пенсионной системы чревато финансовым кризисом — в силу разных причин наши доходы вряд ли будут расти. Значит, нужно искать другие пути. Один из них — использование средств Фонда национального благосостояния. Однако здесь успех во многом зависит от того, какие будут цены на нефть.

Пенсионеры — наиболее активная часть избирателей, поэтому вряд ли они допустят ухудшение своего положения относительно других групп населения.

Если, как ожидается, они снизятся до 60–65 долл. за баррель, нам не хватит денег, чтобы решить все проблемы пенсионной системы. Видимо, придется повышать пенсионный возраст. Это необходимо по нескольким причинам: и чтобы увеличить размер пенсий, и чтобы поднять численность рабочей силы, сняв ограничения на рост. Есть еще одна очень важная проблема: по прогнозам, в России пенсии мужчин будут расти гораздо быстрее, чем пенсии женщин, т.е. появится гендерный разрыв, из-за того что основной удельный вес в структуре пенсий будет приходиться на страховую и накопительную части, размеры которых зависят от отчислений работника в пенсионную систему. Ведь женщины меньше работают, поскольку раньше выходят на пенсию, зато дольше живут, следовательно, у них больше срок пребы-

вания на пенсии. Поэтому нужно будет уменьшить разницу в пенсионном возрасте. Другая, не менее важная проблема — неэффективное использование пенсионных накоплений: они в основном вкладываются в государственные облигации, что невыгодно, поскольку сейчас доходность таких облигаций ниже, чем инфляция. Это довольно большие суммы, примерно 0,5% ВВП в год, а скоро эта цифра увеличится до 0,8%. Пенсионные накопления обесцениваются — значит, те, кто в свое время выйдет на пенсию, ничего не получают. С другой стороны, это долгосрочные, длинные деньги, в которых так нуждается наша экономика, — доля длинных кредитов по-прежнему остается очень низкой. Имея естественный источник длинных денег, мы его фактически не используем. Полагаю, что эту ситуацию необходимо как можно скорее менять.

Но то же самое можно сказать и о Стабфонде, и о валютных резервах.

У них разные задачи. Пенсионные накопления должны быть высокодоходными при достаточной надежности. И второе: они будут востребованы не ранее чем через 15 лет. Ситуация со Стабилизационным фондом и Фондом национального благосостояния — другая.

Резервный фонд предназначен для страхования бюджета на случай неожиданного резкого падения цен на нефть, такого как, скажем, в 1998 г. Конечно, стоимость нефти вряд ли будет столь же низкой, но и наша экономика уже не настроена на цену 20 долл. за баррель, как это было в 2000, 2001 и 2002 гг. Но даже если нефть будет стоить менее 50 долл. за баррель, что не ис-

ключено, нам понадобятся средства Резервного фонда.

Что касается Фонда национального благосостояния, то сейчас идут дискуссии, в какой степени он может использоваться для финансирования развития, а в какой для поддержки пенсионной системы. Именно эти два направления считаются основными. Часть денег Стабилизационного фонда через новый Банк Развития уже направлена на развитие. Но, так или иначе, нам придется увеличивать размер пенсий, и, мне кажется, Фонд национального благосостояния должен сыграть основную роль при решении данной проблемы.

А разработчики пенсионной реформы этого не понимали? В чем причина ее провала?

Я бы сказал, что они пошли по стандартному пути при решении нестандартной задачи. Во многих развитых странах преобладают неблагоприятные демографические тенденции, и они сейчас проводят пенсионные реформы. Введение накопительной системы позволяет решить долгосрочные проблемы. Если бы мы не проводили реформу, то все равно ситуация ухудшалась бы, увеличивался бы разрыв между пенсиями и заработной платой. Конечно, положительного эффекта реформы придется ждать достаточно долго — приблизительно до 2043 г. А пока ситуация ухудшается, поскольку часть ресурсов, и об этом Зурбов не раз говорил, вместо того чтобы уже сейчас использовать для выплаты пенсий, направляются в накопительную систему, которая пока не работает, как могла бы. В России демографическая ситуация ухудшается быстрее, чем в других развитых странах. Кроме того, у нас пенсионная реформа проходит в переходный период, когда, скажем, растет неформальная занятость, соответственно, уменьшается количество людей, которые платят пенсионные взносы, и это тоже усугубляет ситуацию. Мне кажется, разработ-

чики реформы хотели глобально решить эту проблему в масштабе 50 или 100 лет, но не подумали о том, какой будет ситуация через десять лет.

Получилось как с приватизацией: тоже решали задачу перехода к рынку нестандартными методами.

Что касается приватизации, то тут ситуация была сложнее, поскольку не было единого мнения по поводу того, в каком направлении двигаться. И можно понять тех, кто принимал решение, — им хотелось как можно скорее сжечь за собой мосты, но они не учли, что важно не просто провести приватизацию, но и сделать это так, чтобы ее одобрило общество.

И в то же время не было острой необходимости прямо сейчас проводить реформу пенсионной системы.

Как Вы думаете, вступление России в ВТО будет стимулировать

развитие институтов защиты собственности?

Основной эффект от присоединения к ВТО — обострение конкуренции и повышение степени открытости экономики, и это очень важно. Понятно, что конкуренция является главным стимулом для инновационного развития. Сегодня в России есть закрытые локальные рынки, где полно-

чья эффективность сопоставима с мировым уровнем, но одновременно с ними работают реликтовые предприятия, которые вообще не имеют права на существование. Одна из актуальнейших задач — обеспечить достаточно острую конкуренцию, которая стимулировала бы жизнеспособные предприятия и способствовала уходу с рынка бесперспек-

Пенсионные накопления обесцениваются — значит, те, кто в свое время выйдет на пенсию, ничего не получат.

стью отсутствует конкуренция, из-за этого там выживают в высшей степени неэффективные компании. Нам нужно активнее проводить антимонопольную политику.

Недавние исследования, проведенные Высшей школой экономики и Всемирным банком, показали, что в большинстве секторов у нас есть компании-лидеры,

тивных. Толчок к этому может дать и вступление в ВТО, и приток капитала из-за рубежа. Ожидается, что в этом году прямые иностранные инвестиции составят 46 млрд долл. Не секрет, что значительная их часть поступает с Кипра, который является офшором, а отнюдь не мировым финансовым центром. Следовательно, это деньги, вывезенные из России и теперь возвращаю-

щиеся под видом зарубежных инвестиций.

Сколько их, по Вашим оценкам?

Не могу точно сказать. Тем не менее вместе с иностранным капиталом приходят мировые стандарты ведения бизнеса, управления и спрос на качественные институты. Это может стать серьезным положительным фактором. Другой фактор — то, что все больше российских компаний выходит на международные рынки ка-

питала, огромен объем заимствований: с одной стороны, рубль укрепляется, с другой стороны, благодаря политике Центрального банка, который замедляет этот процесс, растягивает его во времени, и компании ожидают, что он и дальше будет укрепляться. Поэтому, исходя из принципа паритета процентных ставок, внутренние ставки в России оказываются близки к нулю, а по иностранным заимствованиям часто бывают

отрицательными — доллар падает, и отдавать приходится меньше, чем брали, даже с учетом процентов. Значит, нынешняя ситуация очень выгодна, но для того, чтобы выйти на международные рынки, нужно повысить степень открытости, финансовой прозрачности наших компаний. Это позволит снизить все виды рисков, улучшить качество корпоративного управления.

Каков сейчас уровень монетизации в России?

Есть показатель, который характеризует уровень монетизации, — скорость обращения денег. У нас она последовательно падает.

С ростом вмешательства государства?

Нет, это естественный процесс, результат макроэкономического развития, укрепления стабильности. Если попытаться повысить уровень монетизации, увеличивая денежное предложение, то в итоге получим рост инфляции. Монетизация — это соотношение между денежными агрегатами и ВВП. В России в целом объем кредитования растет очень быстро. Сейчас остаются скорее структурные проблемы: долгосрочные кредиты для больших компаний, получение кредитов средними и тем более малыми компаниями. Их нельзя решить просто за счет увеличения денежного предложения. Очень быстрый рост наблюдается на рынке розничного кредитования, то же самое — на рынке ипотечного кредитования. Банкам нужны новые рынки. Думаю, что наступил момент, когда они обратятся к среднему, а потом и к малому бизнесу, и тогда будет решена проблема недостаточного доступа этих секторов к кредитным ресурсам.

Как Вы считаете, возможна ли трансформация рубля в региональную или мировую валюту?

В региональную он вполне мог бы превратиться, но при двух условиях. Во-первых, если бы лучше

Для того чтобы выйти на международные рынки, нужно повысить степень открытости, финансовой прозрачности наших компаний.

шла экономическая интеграция: в этом смысле с Казахстаном дела обстоят очень хорошо, а вот Украина ориентируется скорее на Европу.

Да и Беларусь тоже...

Да, хотя долгое время ориентировалась на Россию. Второе условие — это уменьшение инфляции. При инфляции более 10% денежная единица не может использоваться в качестве резервной региональной валюты. Если будут продолжаться интеграционные процессы, например в рамках ЕвразЭС, и инфляция в России снизится, то это вполне вероятно.

Как Вы думаете, какие у нас есть реальные возможности развития в ближайшие 10 лет? Понятно, что нефть не обеспечит необходимых темпов роста, диверсификация и инновационное развитие идут трудно, структура занятости ухудшается. За счет чего будут обеспечены прогнозируемые МЭРТ 7% роста?

Последний прогноз МЭРТ — не 7, а где-то 6,5%. Полагаю, он достаточно оптимистичный.

А не слишком ли оптимистичный?

Ну, может быть, это нужно рассматривать как цель, к которой следует стремиться. Но многие предложения МЭРТ выглядят вполне реалистично, например создание в России транспортного коридора между Европой и Азией. Это направление вполне может развиваться в рамках того проектного подхода, который пропагандирует МЭРТ. Действительно, нужно просчитать затраты и возможный эффект и построить ряд транспортных узлов. А что касается развития высокотехнологичных секторов, то здесь мы топчемся на месте, хотя в некоторых отраслях у нас есть свои заделы и потенциальные преимущества. Я думаю, что прежде всего нам нужно реформировать механизм финансирования науки. Во всем мире ее финансирование осуществляется, исходя из принципа

конкуренции: есть гранты, за которые нужно бороться. А в России деньги по-прежнему выделяются научным учреждениям. Сейчас часто жалуются на недостаточное финансирование российской науки. Да, средств выделяется меньше, чем в советское время, но если взять финансирование в процентах от ВВП, то окажется, что оно не такое уж низкое — на уровне некоторых развитых стран, например Испании, или ведущих центрально-европейских стран. А вот результаты научной деятельности весьма неудовлетворительны: по количеству патентов, публикаций в реферируемых журналах мы стоим очень низко. На данном этапе все-таки главная проблема в науке — не финансирование, а повышение ее эффективности. Кроме того, очень слаба связь между наукой и бизнесом. Даже те разработки, которые есть, не востребованы. В этом отношении у нас ситуация фактически такая же, как в Советском Союзе. Сейчас в России по международным меркам очень невелика доля научных исследований, финансиру-

Главная проблема в науке — не финансирование, а повышение ее эффективности. Кроме того, очень слаба связь между наукой и бизнесом.

емых бизнесом, поскольку бизнес в этом не заинтересован. Значит, необходимо сделать так, чтобы бизнес сам заказывал разработки, — нужно выталкивать компании на внешний рынок, где конкуренция высока, тогда им придется повышать эффективность, и они обратятся к ученым.

Транзит, развитие высокотехнологичных секторов... а какие еще есть возможности роста экономики?

Нужно повышать уровень переработки отечественных сырьевых ресурсов. Многие очень успешные страны — Канада, Австралия, Финляндия — шли именно по этому пути: начинали как

сырьевые, а потом вокруг сырья, которое они использовали как свое конкурентное преимущество, вертикально выстраивали сектор. Финны начинали с лесной промышленности, а затем стали мировыми лидерами в производстве деревообрабатывающего оборудования, бумаги, мебели, оборудования для мебельной промышленности. У нас об этом реже говорят, мы хотим сразу ставить глобальные цели, развивать нанотехнологии. Полагаю, нужно сочетать это с решением более реалистичных задач. Я бы все-таки больше внимания уделял проблеме переработки российского сырья.

Если принять качество государственного и корпоративного менеджмента в 1991 г. за 100%, то как бы Вы оценили уровень 1995, 2000 и 2007 гг.?

Трудно сравнивать 1991 г. с 1995 г. В 1991 г. в России еще не было рыночной экономики. Но если говорить о сопоставимых временах, то качество корпоративного управления в стране, безусловно, растет, бизнес все время

учится, и думаю, что учится достаточно быстро. Здесь, по-моему, не может быть двух мнений. Что касается государственного управления, то в этой сфере мы скорее шарахаемся из одной крайности в другую, чем движемся вперед. Опыт других стран свидетельствует: на ранних стадиях становления рынка необходимо активное вмешательство государства, а по мере созревания экономики государственная политика должна становиться все более либеральной. У нас получилось ровно наоборот — вначале была неоправданно либеральная политика, а сейчас она становится все более жесткой. ■

ПЭС 7243/28.11.2007